

Элисо, свою будущую жену, и эта любовь у меня длится по сегодняшний день. Элисо Максимовна из знаменитого рода Багратионов. Носила очень известную в Грузии фамилию Турманидзе — потомственных врачей, лекавших воинов, полководцев и царей. До сих пор любой грузин знает, что такое мази Турманидзе. По профессии Элисо пианистка (закончила консерваторию), по призванию великая мать и женщина, создающая уют и порядок в семье. Мое творческое долголетие — во многом ее заслуга. Кстати, 12 марта — и ее день рождения.

— **Вы азартный человек?**

— Я болельщик необыкновенный, но не игрок.

— **Стало быть, Германа не пели?**

— Даже не учил. Были на то свои

Сегодня в Большом театре творческий вечер Соткилавы. По случаю чего Зураб Лаврентьевич дал интервью корреспонденту «Вечерней Москвы»

Зураб Соткилава:

Если тенор не влюблен — он не тенор

Веч. Москва. — 1997. — 12 марта. с. 8

Ведущий тенор Большого театра поднимается не рано. В половине одиннадцатого легкий завтрак, через час распевка, которую сам певец называет гигиенической, чтобы резонаторы «проснулись». К двум приходит в театр, распеваётся уже серьезно и час-полтора работает с концертмейстером. Потом поет на сценической репетиции, если она есть. Если вечером не занят в спектакле, разучивает что-нибудь новое или освежает в памяти старое: постоянно удерживать репертуар в боевой готовности да еще на разных языках — очень непросто. Так или примерно так выглядит у певца обычный день. А поскольку 12 марта таковым не является — Зурабу Лаврентьевичу в этот день исполняется 60, — он предпочел о своем распорядке умолчать, заметив только, что после двух оркестровых репетиций будет в уединении коротать оставшееся до концерта время. Но не на даче — дачи у него нет, зато есть друзья... О, эта священная грузинская дружба! Это к слову, а для начала интересуюсь у юбиляра странной такой закономерностью:

— Хулио Иглесиас играл в футбол и стал прославленным тенором, Лучано Паваротти играл в футбол и стал прославленным тенором, Зураб Соткилава играл в футбол...

— ... И профессионально, заметьте, играл. Даже был чемпионом Советского Союза, правда, среди юношей. В чемпионате СССР выступал за юношескую сборную Грузии. Был капитаном этой команды и очень горжусь этим званием.

— **Вот и скажите, есть ли связь между профессиями футболиста и певца?**

— И тот, и другой род занятий труден и требует полной самоотдачи, только футбольная карьера короче вокальной.

— **Певческий век тоже недолог...**

— Могу сказать, что уже 35 лет тенором пою.

— **Это голос очень нежный, нуждающийся в особой заботе и уходе. Большой театр — организм сложный, требующий определенных навыков выживания. Как вам удается в течение стольких лет оставаться и в голосе, и в премьерной «обойме»?**

— Тенор действительно самый хрупкий из мужских голосов, тут вы правы. И самый трудный для постановки, для обучения. Мужчина по существу поет в женской тесситуре, что само по себе уже не совсем нормально. Сложность заключается еще и в выравнивании его по всему регистру, чтобы не было изъянов во время пассажей. Все это дает школа, за которую я благодарен своим педагогам Давиду Андгуладзе в Тбилиси, Барро в Милане и особенно мазстро Пьяцца. Певческое долголетие невозможно и без режима.

Что касается подтекста второй части вашего вопроса, то я его хорошо понял и отвечаю так: главное — хорошо делать свое дело и с улыбкой встречать недобрые взгляды. Эту науку мне хорошо преподали мои старшие товарищи. Был у нас такой замдиректора Бони, который говорил: «Один чело-

век у нас в театре все время улыбается, несмотря ни на что, это — Зураб».

— **Зураб Лаврентьевич, певцы обожают рассказывать, что росли в музыкальных семьях, что кто-то из родственников непременно пел, играл на каком-нибудь инструменте...**

— Если это говорят люди моего поколения, им можно верить. Для развлечения у нас была одна черная тарелка — репродуктор, которая иногда играла, а вот что — понять было трудно. На весь Сухуми после войны был один кинозал (я сам сухумский). Люди развлекали себя, как могли, — выходили вечером во двор и допоздна пели, танцевали, шутили, рассказывали. Моя бабушка и ее сестра пели замечательно и моя мать тоже. Но если я скажу, что все время «варился» в музыке, это будет неправда. В детстве я пел, потом надолго это дело забросил — бегал за мячом, плавал и снова начал петь только в 20-летнем возрасте, причем баритоном. Как баритон был принят в Тбилисскую консерваторию в 22 года...

— **Не поздновато ли?**

— Напротив, считался одним из самых молодых. Но уже имел диплом инженера, закончил Политехнический институт.

— **Зураб Лаврентьевич, у ваших героев чрезвычайно сложные отношения с любовью. Египетский полководец Радамес гибнет из-за любви к женщине, Марио Каварадосси — из-за любви к Родине и свободе. Хозе сам убивает свою возлюбленную... А какую роль это чувство играет в вашей личной жизни?**

— Если тенор ежедневно не влюблен — он не тенор. Ведь все теноровые арии и песни — либо объяснения в любви, либо их претечка. Я только одного не понял. После красивейшего объяснения Хозе в любви Кармен объявляет, что это не любовь... Какой еще любви Кармен хотела от Хозе?..

— **Это — сценическая любовь, а по жизни?**

— И в жизни я влюблялся, и много раз влюблялся. А в 28 лет встретил

причины. Я намеренно прошел мимо многого из того, что написано для моего голоса, — мимо «Вертера», «Травиаты», правда, спел самую драматическую оперу — «Отелло» в двенадцати театрах Италии, а также в Испании, Германии, Венгрии и в Большом театре. Это был великолепный спектакль в постановке Покровского. Я переносил мизансцены Бориса Александровича в другие постановки, в которых участвовал. Когда моя партнерша Мария Кьяра, одна из последних великих итальянских сопрано, увидела, что я делаю, то попросила показать мизансцены Дездемоны. Она переняла почти все, что придумал Борис Александрович для ее героини.

— **Есть ли еще театры, в которых бы вам хотелось петь, партии, которые бы хотелось исполнить?**

— Больше всего меня любят в Петербурге и Тель-Авиве.

— **?!**

— Я гастролировал в Израиле в прошлом ноябре, и мне сказали, что такие аншлаги у них бывают только когда приезжает «Современник». Мне устроили 45-минутную овацию, и я спел десять бисов, после чего два дня не мог разговаривать. Но самый удобный и самый приятный для меня театр — Большой. Свою карьеру в нем я бы хотел закончить «Кармен». С «Кармен» меня взяли в этот театр. Я имел очень большой успех в этой опере, и сегодня в состоянии спеть Хозе не только не хуже, а кое в чем и лучше.

— **А если бы представилась возможность выбрать любых партнеров для вашего вечера, кого бы вы пригласили?**

— В этот день хотел бы видеть рядом и Ирину Архипову, и Елену Образцову, Тамару Милашкину, Маквалу Касрашвили, которую обожаю и голос которой люблю уже почти 32 года. Она и будет петь со мной на вечер. Еще пригласил моего ученика Владимира Редькина и ученицу Образцовой (сама Лена — в Америке) Марину Шutowу.

— **А продолжаете ли вы вести музыкальный салон в Палас-отеле?**

— По приглашению Евгения Максимова Примакова я делаю нечто подобное во Дворце приемов МИД РФ на Спиридоновке — знакомлю иностранных дипломатов с русской культурой и исполнительским мастерством, а оно у нас высочайшее, как и пожарное дело.

— **Пожарное дело?**

— Недавно наш дом горел. Жилец снизу умудрился сделать в квартире сауну и забыть ее выключить. Дело было в четыре утра. Я вызвал пожарных. Они прибыли через 5 минут, и, когда я увидел, как они бегут и что делают, — я успокоился и решил, что пожарное дело у нас прекрасно поставлено.

— **Зураб Лаврентьевич, у меня тоже есть одно неизгладимое воспоминание. Когда я еще школьницей увидела вас в «Тоске» скатывающимся с огромной лестницы, то подумала, что вас сейчас унесут со сцены. Вы же быстро вскочили да еще и запели!..**

— Это был настоящий прыжок на руки с трехметровой высоты. Я не всегда его делал — иногда падал на месте. И вот встретив однажды постановщика этого спектакля, гениального режиссера Покровского, радостно сообщил ему, что пел вчера «Тоску». В ответ последовало: «Ты прыгнул?» — «Прыгнул!» — «Значит, хорошо пел», — заключил Борис Александрович.

Елена ЛИТОВЧЕНКО
Фото Виктора АХЛОМОВА